

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

34504

КНИГА ВТОРАЯ
МАРТ—АПРЕЛЬ

НОВОСИБИРСК
1929

очень определенно говорит и «кое о чем», и «кое о ком».

Она говорит, прежде всего, о том, что автор и его «герои» являются представителями внутренней эмиграции. Они — реакционеры и монархисты. Книга, далее, говорит о том, что в наших издательствах сидят слишком благодушные и близорукие товарищи, которые «не ведают, что творят».

В самом деле: кто еще, как не махровый монархист, может утверждать, что «мелкие выдумки революций, все эти конвенты, учредительные собрания, ведь они прежде всего явно неполномочны. Простое царское отречение, даже когда оно вынуждено, полномочней». (Стр. 51)?! На 53 стр. автор уверяет, что королей «возможно лишь убить: судить их невозможно». Еще одна фраза: Таврический сад (в Ленинграде) оскорблял «героев» «близостью к бывшей думе, постыдно оставившей Россию с носом или без носа»?! (142 стр.).

Революция, всё революционное и советское, наши учреждения, наших работников Лугин высмеивает, иронизирует по всякому поводу, издевается. Советских газет «с их скучноватым и достаточно вульгарным по форме содержанием» его «герой» не читает (стр. 89). О белой северной ночи он говорит, что это «единственно белое, что еще смело не таится в красном городе Ленина, что еще не догадались (!) или не успели переименовать (стр. 97). У фашистов в Фиуме имеется ВЦИК (123) (!) В профсоюзе вопросы не прорабатываются, а «пробриваются» (254) и т. д., и т. д.

«Роман ни о чем» кончается датой: «Ленинград, апрель 1921». Если мы вспомним начало 1921 г. (советизация Абхазии и Грузии, договора о дружбе с Турцией и Афганистаном, X съезд партии, на котором решался вопрос о НЭП'е, Кронштадтский мятеж и др. исторические

события), то политическая физиономия автора станет еще более ясной.

Но, может быть, зададут нам вопрос, — «Роман ни о чем» имеет большие художественные достоинства? Может быть, автор ищет новых путей в литературе? Поражает внимание необыкновенным оформлением, стилем?..

О художественных достоинствах этой книги не может быть и речи. Словесное оформление, весь стиль, это — смесь А. Франса, Брешко-Брешковского и Зощенко.

Приведем для иллюстрации несколько «стилистических фраз».

Джиадэ ездит «в черной каретке с золотым гербом, запряженной четверкой белых породистых лошадей». У нее «безукоризненно правильный нос», «гладкая, ослепительно белая кожа», а «упругие груди ее обращены точеными остриями в разные стороны»... «Граф опустил на колено и с выражением страсти, исполненной преклонения и смертельного отчаяния, приткнулся к ее протянутой, чужой руке» (стр. 61). «Ина, оставшись одна, мечтала. Ей мнилось, будто в чьих-то властных руках она покоится нагая, едва прикрытая кроваво-алой тканью» (стр. 101). «И быстрым движением схватив его левую руку, она приложила ее к своему телу»... (174 стр.). «Пленительно-обнаженная Вера» (149 стр.).

Не подумайте, что Генрихи, Джиадэ, Наики, Арские, Тамары (какие «аристократические» имена!) только и делают, что «обнажаются», флиртуют, меняют своих любовников и любовниц? Нет, все эти сексуальные жесты и «занятия» они сопровождают рассуждениями о «лунном архангеле Гаврииле», апокалипсисе, «Ромео и Джульете» и пр. «возвышенными» разговорами. А после таких блаженных часов они навещают старых княгинь и бывших царских чиновников, ходят в церковь, ездят на курорты.

Нужно ли еще доказывать, что книга Лугина — вредная, реакционная книга? Приведенные выше выписки и ссылки говорят сами за себя. А. Шугаев.

II

Д. И. Менделеев по воспоминаниям О. С. Озаровской. Изд. «Федерация». М. 1929 г. Стр. 163. В папке ц. 1 р. 35 к.

Автор этой книги был в течение нескольких лет лаборантом великого химика. Впоследствии Озаровская, оставив химию, сделалась замечательным художником живого слова и мастером русской речи. Этому стечению обстоятельств мы обязаны редкой книгой: о всемирно-известном ученом рассказывает его близкий ученик, но вместе с тем и художник слова, умеющий ярко и сильно воссоздать живой облик славного ученого. По

изложению и языку, книга Озаровской доступна всем, — и нужно, чтобы эта книга была широко прочтена. Имя автора «Основ химии», творца «периодической системы элементов» известно едва ли не всякому грамотному человеку. Ученый авторитет и вес Менделеева бесспорен. Но книга Озаровской изображает Менделеева с той стороны, которая мало известна, и рисует его такими чертами, которые особенно близки нашему времени. Это — повесть о повседневной работе, об общественном служении ученого.

В наши дни громко провозглашен лозунг единения науки и жизни, настоятельно заявлено требование к ученым — быть гражданами-строителями своей страны и ее промышленности, прочно обоснована необходимость для СССР путей индустриализации. Каждому из этих кличей и призывов наших дней есть согласный отклик в жизни и деятельности Менделеева.

Уроженец Сибири (род. в 1834 г. в Тобольске), он вырос в бедности. В Петербурге, куда на последние гроши привезла его мать для ученья, он, после ее смерти, «остался один, без копейки денег, но с неодолимой жадностью знания». На 23 году жизни он уже был магистром физики и химии, а 36 лет уже изложил в «Основах химии» свою «периодическую систему элементов». Он исполнил завет матери: «настаивать в труде» и «терпеливо искать божескую или научную правду».

Озаровская встретила с ним тогда, когда он уже обладал мировой известностью, а научный титул его (доктор химии 6 университетов, член 11 академий наук и т. д.) занимал в печати больше места, чем былой титул императоров все-российских. Но этот всемирно-признанный и прославленный ученый заведывал «Палатой мер и весов» и не имел кафедры в университете. Почему? Потому, что он был—ученый—гражданин.

«Весной 90 г. в университете происходили студенческие волнения. В часы менделеевских лекций собирались сходки и студенчество просило любимого профессора передать министру Делянову их петицию. Несколько лекций не состоялось и, наконец, наступила последняя. За это время произошло много арестов и высылки. Делянов не принял петиции от Менделеева, и было известно уже, что Менделеев подал в отставку». На последней его лекции аудитория была переполнена не только студентами, но и посторонними лицами. Менделеев, войдя в аудиторию, «упомянул с долей лукавства о большом количестве собравшихся «слушать химию». Раздался смех: все ждали от Менделеева политической речи. Но он начал:

— «Марганец...».

Опять пробежал было смех, но тотчас же в самом деле все стали «слушать химию». Вот что говорил тогда Менделеев:

«До сих пор, как руды марганца, так и все почти богатства русские, которые разведаны, все они найдены только потому, что, можно сказать, бросаются в глаза, — и крестьянин, черкес, казак их находит и говорит о них. Не так в самом деле должно быть: кроме того, что выступить имело случай на земную поверхность, есть еще большие массы в глуби-

нах, в недрах земли, и надобно иметь фонарь науки, чтобы осветить эти глубины и увидеть в темноте. И если этот фонарь знания внесете в Россию, то вы сделаете в самом деле то, чего от вас ожидает Россия. Ибо от чего же зависит ее благосостояние, от чего зависит богатство и бедность ее народа и ее международная свобода? **Ведь только экономическая независимость есть независимость настоящая; всякая прочая есть фиктивная...** Вводя промышленные цели, разрабатывая их, мы дадим не только действительное дело, живое практическое дело образованности, дадим дело народу, увеличим его благосостояние, т. е. сделаем то самое, что в самом деле не достает в настоящее время России. — Она, будучи страной земледельческой, получает свои ресурсы от — чтобы сказать резко и ясно — от грабежа земной поверхности того, что в ней содержится. Свозя, отправляя свой хлеб за границу, истощая, таким образом, свою землю и не возвращая того, что берется и увозится, Россия теряет».

Менделеев произнес тогда, 39 лет тому назад, пламенную речь о необходимости индустриализации страны, о реакционности и губительности ее застылого пребывания в числе стран чисто земледельческих.

Старая Россия вот как ответила на речь великого ученого: «был введен отряд полицейских и Менделеев, Менделеев плакал, видя такое поругание храма науки... Ассистенты увели его в кабинет и давали ему воды».

Ныне лозунги, возглашенные в этой речи, стали правительственной программой.

Речь Менделеева звучит для нас, как речь нашего современника, — и отвечает самым живым запросам современности.

Не менее близок к нам и завет Менделеева, данный в предисловии к 3 изд. его «Основ химии»: — «Наука давно перестала чуждаться жизни и написала на своем знамени: посев научный взойдет для жатвы народной».

Заведуя «Палатой мер и весов», он, как ученый, «продолжал дело Ньютона и Галилея», а, как гражданин, ревностно отзывался на жизнь. «Рынок» требовал создания образцов мер в стране, создания поверочного дела». Немедленное проведение метрической системы было для Менделеева невозможно. Он занялся своеобразной борьбой с торговым капиталом: «командировки инспекторов, организованные Менделеевым, установили такие явления, как разновесы по «1 ф.», пятьдесят штук которых весили ровно пуд»... Менделеев больно ударил по торговой наживе, достигавшейся помощью обманных мер.

Для работы с Менделеевым требовалось одно: жажда и желание научного труда. Он всем заявлял:

— «У меня не полицейский участок, чтобы документы разбирать. Мне работники нужны, а не их документы».

Он широко привлекал к научной работе женщин. Резко и ново звучало по тому времени его пожелание:

— «У меня такой план, чтобы женщины в палате упрочились».

Так и случилось: до 10 женщин работало у Менделеева. Но этого мало: Менделеев желал и дальше продвинуть женщин. Организуя первую внезапную ревизию мер и весов целого торгового участка, Менделеев послал «в качестве ревизоров и двух женщин»:

— Я хочу, чтобы привыкли к идее, что женщина может и закон исполнять, и власть иметь».

Когда опыт удался, Менделеев обрадовался и вспомнил:

— «Я ведь сибиряк, а у нас в Сибири бабы каким угодно мужским делом ворочают».

В учреждении, руководимом, по-истине образцово, великим ученым, бывали постоянно остатки от сметных ассигнований. Всюду в других учреждениях такие остатки выдавались в виде наградных служащим: «чем больше оклад, тем больше наградные. В палате сам управляющий и его помощник исключались совершенно от участия в наградных», зато низшие служащие получали «не меньше месячного» оклада, а иногда и больше. В 1900 г. Менделеев затеял вместо выдачи наградных командировать служащих в Париж на выставку. Когда министру представили список в 16 человек и среди них слесаря и столяра, он возмутился такими неслыханными по числу и составу командировками и положил суровую резолюцию. Менделеев поехал к товарищу министра и вручил ему свое прошение об отставке». Товарищ министра поспешил к Витте, и министр, видя непреклонность Менделеева, «зачеркнул: «отказать» и надписал: «исполнить».

Мы были ошеломлены и одурели от счастья — рассказывает Озаровская. — Двое из семейных предпочли воспользоваться неожиданной крупной суммой, чтобы заткнуть хозяйственные бреши, но только не слесарь и не столяр, обремененные семейством; они поехали и, кажется, больше всех почерпнули на парижской выставке».

Это был первый случай в старой России командировки рабочих за границу. И здесь Менделеев был наш современник: в наши дни эти случаи обычны.

В своей частной жизни Менделеев был воплощением труда и умеренности в житейских потребностях. «Жизнь его пора-

жала несоответствием между напряженностью труда и остальным общим поведением человека, как питание, движение, отношение к здоровью и болезни и пр.». Он питался чаем, рисом и малым количеством рыбы. «Отдых любил заполнять каким-нибудь ручным трудом». Долгое время увлекался изготовлением чемоданов, одаривая ими друзей. — И в этом деле был мастер. Однажды он зашел в лавку купить гвоздей для чемоданов. На вопрос одного покупателя, кто этот странный покупатель, хозяин лавки отвечал:

— Как же-с? Неужто не знаете? Их все знают... Это — известный чемоданных дел мастер Менделеев.

Менделеев был польщен мнением купца.

Подводя итоги своей жизни, Менделеев писал: «Пусть глупцы меня судят, как и кто хочет, мне не в чем каяться, ибо ни капиталу, ни грубой силе, ни своему достатку я ни на иоту не служил, а только старался дать плодотворное, промышленное, реальное дело своей стране, в уверенности, что политика, устройство, образование и даже оборона страны ныне без развития промышленности немыслимы и весь венец желаемых по мне преобразований, вся свобода, нам нужная здесь, сосредоточены. Наука и промышленность — вот тут мои мечты. Они все тут».

Эти «мечты» великого ученого — уже не только мечты, но и усилия нашего времени. Вот почему прекрасная книга Озаровской, в значительной своей части, есть книга о нашем современнике. Менделеев понял бы те чаяния, которые связаны ныне с индустриализацией страны и, конечно, живи он теперь, он отдал бы этому делу свой опыт и гений.

Поэтому книга Озаровской — нужная книга. По языку же, изложению, тонкому мастерству рассказа это — одна из лучших книг, вышедших за последнее время. Ее написал большой художник о великом ученом и не менее великом человеке. Книга издана дешево и снабжена 4 прекрасными фототипиями и автографами Менделеева.

Тираж, 4.000, несомненно для такой книги мал.

С. Дурьлин.

И. В. Владиславлев. Литература великого десятилетия (1917—1927). Художественная литература. Критика, история литературы. Литературная теория и методология. Том I. Госуд. Изд-во М. Л. 1928; стр. 300. Ц. 5 р.

При всей бедности нашей библиографии художественная литература не может пожаловаться на невнимание к ней. Учет современной художественной литературы делался в последнее время не-